

ЛЕОНИД ЛЕОНОВ

САРАНЧА СОТЪ

РЕДАКЦИЯ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)
Л47

Серия «Сталинские лауреаты»

Разработка серии и дизайн В. А. Воронина

Выпуск произведения без разрешения издательства
считается противоправным и преследуется по закону

Леонов, Леонид Максимович

д47 Саранча. Соть : сборник / Леонид Леонов. — Москва:
Издательство АСТ; Редакция «КПД», 2026. — 480 с. —
(Сталинские лауреаты).

ISBN 978-5-17-187226-7

В серии «Сталинские лауреаты» выходит книга произведений
Леонида Максимовича Леонова — выдающегося русского писателя
и драматурга, лауреата Сталинской премии первой степени, Ленин-
ской и Государственной премий СССР.

В новый том серии вошли два известнейших произведения со-
ветского классика сталинской эпохи, относящихся к рубежу 1920—
1930-х годов, — повесть «Саранча» и роман «Соть»

«Саранча» (1930), написанная после поездки Леонова в Турк-
мению, — произведение экспрессионистской выразительности, где
борьба с всепожирающей ордой насекомых разворачивается как
грандиозное сражение не на жизнь, а на смерть. Библейская по мас-
штабу битва с «первой», слепой природой заставляет главного героя
пройти путь взросления, освободиться от иллюзий и осознать себя
творцом новой жизни.

«Соть» (1930) — один из первых «производственных» романов
советской литературы, посвящённый социалистической индустри-
ализации. Ломая вековой уклад монастырского скита и подчиняя
дикую природу, большевики руководят строительством бумажного
комбината на непокорной северной реке. Многоплановая книга, от-
меченная «вкуснейшим, крепким, ясным русским языком», развора-
чивает картину столкновения наступающего нового мира с россий-
ским исконным социальным и даже природным бытием.

Произведения Леонова переносят читателя во време-
на великих и страшных событий, по своему эмоциональному накалу
сравнимых с дохристианскими легендами о противостоянии человека
воле самих богов, и показывают героев русской истории, решивших-
ся на штурм небес, — и во сколько их порыв им обошёлся.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-17-187226-7

© Леонид Леонов, 1930
© ООО «Издательство АСТ», 2026

САРАНЧА

повесть

Маронов зевал — томила нудная расслабленность после многих суток бездельного вагонного сидения. Да и встретил его мелкий северный дождик, неотступный, как судьба, — такой же провожал и из Мурманска... Ему было холодно и скучно тут, на берегу Аму*, под угревой консервных ящиков и керосиновых бидонов. А он-то, чудак, поверил в розовое и призрачное цветение тамариска, которое началось ещё от Карши.

На предпоследнем полустанке он съел кебаб и теперь украдкой от спутников сковыривал с дёсен застылый стеариновый жир. Их было немного: бородачи в чалмах и тельпеках, женщины и дети — у них следовало ему поучиться азиатскому терпению, с каким они ждали запоздалой переправы.

Они сидели недвижно, в особенности ближняя к Маронову женщина. Ветер обжимал красным платьем её острые, почти девичьи коленки. Она была молода и ещё не привыкла к нарядной тяжести соммока; замужем она была недавно, и муж дремал возле — этакий немолодой туркменский Иван с запухшими в трахоме глазами. Как и все, она сидела прямо на земле, важно и печально созерцая пёстрый хурджум** перед собою, точно в нём

* *Аму, или Амударья* — главная река Туркестана, впадающая в Аральское море.

** *Хурджум* — традиционная восточная сумка, сотканная ковровой техникой из разноцветных шерстяных волокон и украшенная бубенчиками; состоит из двух отделений.

заклучалось всё прошлое её народа и будущее её самой. Ничто не отвлекало её: ни единоборство ветра и могучей птицы, застрявшей на середине реки, ни внезапный из облачной расщелины луч остылого закатного света.

— А у нас, под Тулой, суше, — неожиданно крикнул Маронов, — хоть и не пустыня.

Ему хотелось этим возгласом пошевелить её, взглянуть в глаза туркменки, но он увидел лицо её мужа. Оно было насмешливо и бесстрастно, а брови его были длинны и черны, как локоны его папах.

Так и сидели — чужие.

Ветер размёл облачную гряду на западе, и вечер сделался кровав, как жертвоприношение. Бесплотный красный сок разбрызгался по небу, и тут на мгновенье Маронову почудилось, что Аму стала походить на ржавый меч, который извечно струится в пересохшее сердце Каракумов. Но понесло холодом, и Мароновым снова овладела зевота. Нет, зря сюда переправлялся на древних гупсарах Александр: ему следовало устремиться дальше, на север, где нашлись бы и печи, и звериные шкуры. Видно, ввали справочники и друзья, которых уже закидывал сюда партийный жребий. А он-то, чу-дак, ждал сразу томительных и жгучих обо-льщений, которыми издали пугает европейца и смертельно манит Орта Азия.

По младости он не участвовал в священной драке, которой открылась его эпоха. Он поздно со-зрел для жизни, когда революция уже укрепи-лась, а ему ещё хотелось осязать неизгнившего врага, ударять и самому принимать сокрушительные уда-ры. Ему сказали тогда: «Вот Азия, дерись...» — и он поехал, уже в одиночку... Но где она? За весь путь от самой Бухары она проглянула лишь в вялой пестроте узбекских халатов да в жёстком

взгляде туркменского мужика. Да и Аму вовсе не та, которую обещал ему Клим: просто глиняный великан моется где-то там, в отрогах Гиндукуша, и вот они возлегли на мароновском пути, бегучие жёлтые помои...

Маронов имел достаточно времени для негодования: переправа подошла только ночью. Из недр речного мрака явилась деревянная развалина, скорбная ровесница помянутого Александра; подобно купающемуся кабанёнку, буянил и фыркал на ней нефтяной фордзон.

В полночь Маронов крепко верил, что на коленях его навсегда останутся синяки, — так усердно прижимал он их к подбородку, пытаясь согреться. Ему снился он сам, его непостижимые странствия по земле, снился покинутый недавно океан и на берегу его — давешняя туркменка; в её пугливые веки, где затаились две звезды, уже всочилась мужняя трахома... Она не видит, и напрасно Маронов показывает ей ледяную пустыню, напрасно гладит робкие колени чужой жены — она не слышит его прикосновений. Для своих лет он был на редкость решителен, этот Маронов!..

А к полудню, когда зной опустил на городок, он забыл, как замерзал под брезентовым пальтишком, и клял приятеля, сманившего его в это пекло, на азиатскую работу, — забыл всё, кроме сна. Зной наступил незаметно, в тот затянувшийся час, пока он пожирал коричневые пирожки, начинённые горохом и перцем; зной начался с неукротимой изжоги, и только получасом позже принялся стыдливо потеть несколько приплюснутый мароновский нос.

Уже не тянуло отыскивать по жаре прокуренные те коридоры, куда всё равно должна была привести путёвка. После перенесённого в снегах и наедине с голодными собаками он заслужил своё

право на целые груды этих свирепых пирожков, на бочки кок-чая — несравненного обжигающего напитка. Он требовал, чтоб раскрылось, наконец, то, что вчера было лишь прищурено, он завоевал своё право на зрелище, и все старались так, точно знали, что за ними наблюдает человек, доказавший миру своё мужество.

Чайхана выходила на базар, и Маронов, не отрывая губ от пиалы, видел все те цветные лоскутья, из которых хаотически сшит был азиатский день.

Все старались точно заводные. Гражданин скоблил ножиком голову другого гражданина — подобная дѣтлю, кровь текла по лезвию, и оба в увлечении не примечали. «Привычка... А вот на севере свечи едят!» — лениво вспомнил Маронов и заново наполнил кок-чаем опустевшую пиалу.

Пожилой туркмен, наверно, самый тощий на всём пространстве от Каспия до Аму, продавал коврик, у которого одна половина была втрое тусклее другой. «Пока ткала, у мастерицы убили жениха!» — сочувственно решил Маронов и ещё раз вкусил от пирожка.

Под деревом, в кругу редких зрителей, пел бахши, и лоснящееся дерево дутара невпопад вторило ему. Он пел, всяко качая свою кудлатую папаху: то закидывая голову так, что через горло его можно было бы увидеть самое сердце, откуда исходил стонущий звук, то совсем наклоняясь к пыли, словно и муравья призывал в свидетели искренности своей и знания. «У туркмен нет танцев, — вспомнил Маронов, мысленно листая последнее Климово письмо, — потому что танцуют самые руки их, инструменты и папахи. Вот он, танец для себя, который вы ищите, слепые учёные черти!..»

Его радовала пестрота впечатлений — точно вот перед ним распахнулся ящик с волшебными игрушками; его даже смешила лёгкость, с какой он распутывал старинные азиатские загадки.

Словом, когда он покидал чайхану, внутренности его почти дымились, в голове как бы играли на оглушительной ребячьей трубе, и было сто-крат приятней вина это непреходящее обалденье. Азия была найдена! Мировое колесо, по заключению Маронова, вертелось вполне исправно. Безграничный океан материи слабо колыхался, и на голубой его волне убогатворённо покачивался душевный поплавок Маронова. Ничто не предвещало близости того дня, когда, во исполнение мароновских мечтаний, враг множественный и явный подступит к воротам Советской Азии, когда спящее великолепие это поблекнет и засмердит, когда в действие вступят вагоны мышьяка, грохот железных щитов, чусары и безумие.

И цепь событий, в которой последним звеном было его второе рождение, начиналась, кажется, со встречи с терья-кешем — курильщиком опиума. На пороге чайханы к Маронову пристал унылый останок человека. Заслоня проход впалой безжизненной грудью, он молил о подачке, и было в том упорстве нечто заставлявшее пристальнее взглянуть в его собачьи покорные глаза. Застигнутый врасплох, Маронов с брезгливой неловкостью шарил у себя по карманам...

И вот тогда-то пришла в движение неподвижная дотоле цепь.

— Так-так, поощряй курение опиума в социалистической стране! — произнёс знакомый голос позади.

Маронов испытал удивление, подобное лёгкому солнечному удару: после того что случилось между братом Яковом и Идой, он не ждал

от Мазеля этой лёгкой шутливой приветливости. Мазель знал Мароновых ещё по вузу, они вместе поступали на агрономический факультет, но старший и неусидчивый Яков перебежал в музыкальный техникум, а потом раскидала их центробежная сила великой стройки. В особенности Мазель дружил с Яковым, и тем сильнее было охлаждение, когда слишком усложнились их личные счёты. Как-то слишком скоро они без сожаления примирились с возможностью гибели друг друга.

Вдобавок незадолго до отъезда на север кто-то написал Якову о не совсем геройской смерти Мазеля, застигнутого басмачами ночью в песках, причём перечислялось количество ран и обстоятельств этого нападения. Пером приятеля водило, по-видимому, скорее стремление порадовать, чем правда, ибо вот Мазель стоял возле в знакомой синей косоворотке, и в распахнутом вороте, на обгорелом треугольнике кожи, сияли созвездия его знаменитых веснушек.

— Давно в Дюшакли?

— Вчера, Шмель, вчера.

— Надолго?

— Не знаю, Шмель, не знаю. Меня Клим свратил.

— Ты опоздал. Его перекинули в Казахстан... И потом, у Климаскучища. Если захочешь, я перетяну тебя к себе. У меня округ как на ладони, у меня весь хлопок. А хлопок — это уже ситец, а ситец — разве это не хлеб?

Пётр прищурился.

— Я подумаю... Это, говорят, советский Каир. Ну я и поехал сдуру!

Мазель не понял его иронии.

— Да, здесь вредное солнце. — Подвигал плечами и прибавил, как бы извиняясь: — На юге всегда бывает жарко!

Азиатский торг был в полном разгаре. Никто в отдельности не кричал о своём товаре, как подобало бы купцам, но трудно было в этой сутолоке вести даже и не задушевный разговор. Звон чайханной посуды, лязг безменов, полдневный вопль ишаков, шелест ссыпаемого риса и, наконец, зычные призывы базарного глашатая, который машистой походкой и с пророческим посохом обходил разноплеменную эту толпу, — всё слилось в упругий, именно шмелиный гуд.

Мазель происходил из крохотного местечка под Одессой, имя его было Шмуть, но товарищи прозвали Шмелем — отсюда и скользнул этот образ в мароновское сознание.

— Откуда?

Маронов еле отскочил от глашатая, борода которого на солнце отливала зелёным.

— С Новой Земли, Шмель... и прямо сюда.

Тот недоверчиво прищёлкнул языком:

— Опять шестиэтажная какая-нибудь авантюра!

— Шмель, ты знаешь меня? Я ищу драки. И потом, где есть земля, там должны быть и люди!

— Робинзоны! — снова усмехнулся Мазель на мароновское мальчишество. — А Яков, значит, вконец забросил музыку?

— Нет, у нас там был граммофон.

Мазель внимательно взглянул на Петра; ему почудилась издёвка, порождённая какой-то сверхчеловеческой усталостью, но скуластое полузырянское* лицо Маронова улыбалось, и озоровато щурились зоркие знакомые глаза. Она слепила в этот час, неистовая азиатская палитра.

— И долго вы там?

* *Зыряне* — устаревшее название народа коми.

— Три года, Шмель.

— Это, наверно, очень интересно?

— Как тебе сказать... Я понял, почему человек боится тюрьмы. Трудней всего переносить своё собственное общество. Тогда он постигает цену себе и может подсчитать, много ли накопила его душа. Оттого-то он и стремится к объединению с себе подобными...

Маронов смутился тихой Мазелевой улыбкой и не договорил. Чтобы объяснить, он хотел приступить, наконец, к своему невероятному повествованию, но Мазель перебил его:

— Постой... Ты не спешишь? Зайдём ко мне. Я в отпуску и сегодня гуляю последний день. Дело в том, что жена моя не раз вспоминала... — Он подошёл ближе и, глядя в самые губы Маронова, прибавил твёрдо: — О вас. Ей, наверное, будет очень интересно послушать ваши приключения.

Пётр вопросительно пожевал свои губы; он по догадкам знал обстоятельства, в силу которых Яков поехал с ним на Новую Землю, и потому ему был не особенно ясен этот душевный оборот Мазеля.

— Хорошо. Но только пойдём по солнечной стороне. Я приехал греться, Шмель. Веди меня в самую Азию, в самое пекло веди. Иззяб я в этой чёртовой тундре...

— На севере, должно быть, холодно, — тихо вставил Мазель.

— Вот именно... Ты всегда прав, Шмель, тебе нельзя возражать! Знаешь, бывали часы, когда мы дрожали так, что тряслась посуда на полках. Мы не разбирали слов друг друга, мы мычали. Ты смеёшься?

— Нет, Пётр, я не смешлив.

Тесный дворик, обсаженный тутовником, заливало солнце. Огромная, размером с комод собака

дремала в тени глиняного дувала. Чёрные мухи вились над ней. Мазель свистнул ей, и та, не просыпаясь, вильнула хвостом.

Потом он спросил, остановившись как бы затем, чтоб приласкать собаку (Маронов не видел его наклонённого лица):

— Кстати, я хотел спросить... Яков приехал вместе с тобой?

— Нет, Яков умер год назад. Цинга пополам с тоской!

Мазель кашлянул и продолжал гладить собаку.

— Разве не было лекарств?

— Нет, мы пили отвар сосны... Это всё равно что при оспе мазать йодом ножки кровати.

— Мне жаль Якова, — просто сказал Мазель.

— Не горюй, Шмель, будь искренен!

— Мне очень жаль Якова, — повторил Шмель, поворачиваясь лицом к Маронову.

Больше они не обменялись ни одним словом о Якове — ни в тот день, ни в один из последующих.

Открытую дверь, кроме собаки, сторожила кривая усатая швабра. В сенях на кирпичном полу стояла непросохшая лужа и пахло мыльной пеной. Комнату делила повешенная наспех простыня; жена Мазеля одевалась за нею. Из-под простыни видны были её голые до колен ноги, стоявшие на скомканном и мокром полотенце.

Пётр почти с испугом вспомнил вчерашнюю туркменку: это лишало его той уверенности, которая потребна была для предстоящего разговора.

— Тебе звонил Акиамов, — сказала женщина, узнав шаги мужа. — Он просил тебя зайти.

Мазель подошёл к самой простыне.

— Ида... — Голос его звучал виновато. — Не волнуйся. Приехал младший Маронов и привёз дурную новость: полгода назад умер Яков.

— Год, — деловитым баском поправил Пётр.

— Год? Да, извини, год.

Никто не отозвался на известие, но Пётр видел, как чёрный целлулоидный гребешок упал по ту сторону простыни. Ни муж, ни жена его не поднимали.

Потом женщина сказала глухо:

— Я сейчас оденусь.

И даже простыня не колыхнулась.

Пётр стоял у окна. Он был юн и соответственными эмоциями начинён до отказа; все эти пустяжные детали представлялись ему бесконечно значительными. Он обернулся к окну и изобразил на лице достоинство печального вестника...

В город вступал караван, длинный и пыльный — наверное, из Афганистана. На ишаке, болтая ногами в опорках, ехал караван-баши. Лицо его не выражало ничего; может быть, он мысленно пел. Разнозвучно, качаясь на облыселых верблюжьих шеях, плакали и кричали колокольцы. Все звуки в городе умерли, и только эти осколки древнейшей человеческой мелодии волновались и цвели; их можно было насчитать две октавы.

Маронов глазами проследил поводыря, пока тот не скрылся за величественной глиняной кулисой. Ему показалось, что он уже слышал однажды эту музыку — не то в выветрившемся детском сновидении, не то... Ему некогда было вспоминать: наступала минута, для которой он примчался в Среднюю Азию. Кроме того, усилилась пыль, поднимаемая тысячами верблюжьих ног, и Маронов спокойно закрыл окно.

Когда он оглянулся на хозяина, того уже не было в комнате.

— Он пошёл к Акиамову. Это председатель исполкома. Ну, садитесь. Вы брат Якова? А не похожи... — И качнула головой.

— Я много моложе его. Шмель — хороший парень! — сказал Пётр.

— Хотите сказать — догадливый? — подсказала женщина без всякого упрёка. — Что же, вы встретили его случайно?

— Не совсем.

— Значит, имеете прямые поручения?

— Нет, — солгал он.

Она подумала.

— Ага, любопытно. Ну, вы проделали довольно большой путь.

— Да, это даже по глобусу три с половиной вершка. Сказать правду, мне интересно было взглянуть на женщину, из-за которой Яков метнулся на Новую Землю.

— Но ведь вы также поехали с ним. У вас были похожие обстоятельства?

Маронов как будто даже обиделся и потупился: такой уже выработался у него рефлекс — при обидах опускать глаза.

— Я был здоров, искал драки и ищу. Республика пошлёт меня завтра на Мадагаскар — и я буду счастлив.

Женщина улыбнулась на многословную приподнятость младшего Маронова — как всё-таки они не были похожи друг на друга, братья!

— Скажите, Яков умер... сам?

Она не волновалась, произнося это имя.

— Нет, от цинги. Видите? — Он приоткрыл десны, и отражённое солнце щедро блеснуло в золоте его зубов. — Одного товара рублей на триста!

Она уже привыкла к мароновскому стилю.

— Да... Ведь это началось у него давно, ещё в те годы, когда люди вообще бывали склонны